

Анна Шилд
Ада Огнева

СВИДЕТЕЛЬНИЦА БОССА

18+

**Ада Огнева
Анна Шилд
Свидетельница босса**

<https://litres.ru/74515443>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я стала свидетельницей того, что враги Руслана Демидова предпочли бы похоронить вместе со мной. Теперь влиятельный босс прячет меня от людей Каверина и предлагает фиктивный брак. Его правила должны защищать. Его прикосновения заставляют забывать, зачем я согласилась на эту сделку. Под угрозой моя семья, внутри холдинга зреет предательство, а я всё хуже различаю расчёт и настоящее чувство. Руслан обещает уничтожить каждого, кто посмеет меня тронуть. Только в нашем соглашении ничего не сказано о том, что делать, если я сама перестану хотеть свободы.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	49
Глава 7	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Анна Шилд

Свидетельница босса

Свидетельница босса

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Лифтовой холл технического сектора пах сырой известью, машинным маслом и стылой пылью. Лампы под низким потолком гудели монотонно, с противным зудящим дребезгом, от которого к вискам подступала тупая ломота.

Диана шагнула из раздвижных дверей на серый полимерный пол яруса минус два. В лицо сразу ударил сырой сквозняк из вентиляционной шахты — тяжелый, пахнувший застоявшейся дождевой водой, бензиновым угаром и резкой химической горечью стеклоомывателя. На часах светилось начало первого ночи. В такое время здесь не должно было оставаться ни единой живой души: служебная зона бизнес-центра «Демидов Плаза» закрывалась для рядовых арендаторов еще в девять вечера.

Но у Мартынова, как всегда, всё шло наперекосяк. Старый профессор умудрился оставить в багажнике своего разбитого «Гольфа» второй архивный тубус с чертежами особняка Морозова, а завтра к десяти утра комиссия Департамента культурного наследия уже требовала развернутую экспликацию западного флигеля. Без этих калек два месяца кропотливой расчистки фасадов пошли бы прахом.

Диана поплотнее запахла полы темно-синего шерстяного пальто, перехватила поудобнее тяжелую картонную папку на молнии и сунула озябшую ладонь в карман, нащупывая

круглый латунный брелок с ключом от машины.

Каблуки кожаных сапог сухо и гулко стучали по заливному полу, разнося дробное эхо под пятиметровыми сводами. Вдоль стен тянулись толстые пучки силовых кабелей в черной гофре, на массивных шестигранных опорах висели щиты с пожарными гидрантами. Ряды разметки пустовали — только вдалеке, ближе к глухому тупиковому карману сектора «С», мерцали желтоватые пятна аварийного освещения.

Диана ускорила шаг, надеясь управиться за пять минут. Дома ее ждала Полина. Семнадцатилетняя сестра перед сном всегда забывала закрыть входную цепочку, а район у них на Ломоносовском хоть и считался приличным, но темноты Диана боялась за двоих с тех самых пор, как три года назад они остались одни на всем белом свете.

Она уже почти дошла до опоры с красной цифрой «14», за которой виднелось пыльное заднее стекло профессорского «Фольксвагена», когда из глубины тупика донесся звук.

Диана прислушалась, еще надеясь услышать шаги парковщика.

Это был глухой, утробный, тошнотворный звук удара человеческого тела о металл. словно тяжелый мешок с мокрым песком со всего размаха швырнули на капот.

Следом раздался надсадный, захлебывающийся хрип. Кто-то судорожно ловил ртом воздух, пуская кровавые пузыри, а затем сиплый, сорванный до визга мужской голос взмолился:

— Руслан... Руслан Сергеевич, пощади... Клянусь, я все верну... До копейки верну, Христом богом молю!..

Диана замерла на полушаге. Сердце мгновенно подскочило к самому горлу и забилось там пойманной птицей, глуша все остальные звуки. Кровь в жилах превратилась в жидкий лед.

Она инстинктивно вжалась спиной в шершавый, холодный угол железобетонной опоры номер четырнадцать. Шероховатый бетон царапнул ткань пальто через плечо. Затаив дыхание, Диана медленно, с замиранием сердца, выглянула из-за серой грани.

В тридцати метрах, на залитой резким светом переносного галогенового прожектора площадке, разворачивалась бойня.

Посреди кармана стоял темно-серый седан представительского класса с поднятым капотом. Перед радиатором, прямо в грязной луже мазута и дождевой воды, стоял на коленях крупный мужчина в разорванном до пояса светлом костюме. Лицо его было сплошным багровым месивом: левый глаз заплыл темной гематомой размером со сливу, из разбитого носа на разорванную сорочку безостановочно хлестала темная густая кровь, а губы тряслись в непрерывной истерической судороге. Двое широкоплечих парней в глухой черной штурмовой форме и балаклавах заламывали ему руки за спину с такой силой, что плечевые суставы хрустели на весь ярус.

Но ужаснее всего был третий.

Он стоял прямо перед стоящим на коленях мужчиной, возвышаясь над ним непреодолимой, давящей каменной громадой.

Диана узнала этот силуэт в ту же секунду. Его знала вся деловая Москва, хоть его лицо и старались лишний раз не печатать на обложках глянцевого таблоида. Руслан Демидов. Человек, при упоминании которого у чиновников строительного департамента бледнели губы, а у конкурентов по холдингу немели пальцы. Опасный, беспощадный теневой авторитет, подмявший под себя половину промышленных и логистических артерий столицы.

Он был огромен. Рост за метр девяносто, косая сажень в плечах, сухая и хищная стать бойца, привыкшего убивать голыми руками. Длинное угольно-черное кашемировое пальто Brioni было распахнуто, сорочка цвета закаленной стали растегнута на две верхние пуговицы, открывая мощную шею и рельефные ключицы. Рукава сорочки были небрежно закатаны до середины тяжелых, увитых узловатыми темными венами предплечий.

На костяшках его правой руки была содрана кожа, и поперек смуглых фаланг атели свежие потеки чужой крови.

В опущенной левой ладони Демидов небрежно держал массивный армейский пистолет вороненой стали.

— Сколько, Козырев? — раздался его голос.

Звук этого голоса заставил Диану вздрогнуть всем телом. Низкий, бархатный, глубокий баритон с легкой вибрирую-

щей хрипотцой. Козырев дернулся уже на первом слоге своего имени. Демидов дал ему услышать вопрос до конца и ждал ответа, словно времени у него было сколько угодно.

— Руслан... я не хотел... они угрожали... — забормотал логист, роняя слюну пополам с кровью на капот. — Каверин... он прижал меня через офшоры...

Демидов сделал один короткий шаг вперед. Подошва его начищенного оксфорда с сухим хрустом вдавила выпавшую из кармана Козырева пачку сигарет в бетон.

Мужчина на коленях дернулся, попытался отползти, но Демидов свободной правой рукой схватил его за сальные во-

лосы на макушке и без малейшего видимого усилия рванул назад, запрокидывая голову логиста так, что тонкая кожа на его горле натянулась до синевы.

С сухим, металлическим щелчком, разорвавшим тишину паркинга, Демидов взвел курок пистолета и упер дуло прямо в переносицу Козырева.

— Ты продал графики восточной колонны, — медленно, с чудовищной отчетливостью произнес Демидов, глядя сверху вниз в безумные от ужаса глаза подчиненного. — Пять фур сожгли на перевале в тайге. Мой начальник конвоя сейчас на аппарате ИВЛ с двумя пулями в груди. Пацанам, которые вели груз, не было и двадцати пяти. Сколько Марк тебе отвалил за их жизни, Вадим?

— Полтора... полтора миллиона... на кошелек в Сингапуре... — логист завыл в голос, по щекам его покатались слезы, смешиваясь с грязью и кровью. — Демидов, умоляю! Дети у меня! Старшая в школе, мелкий только пошел... Христом богом, не убивай!

Взгляд Демидова оставался абсолютно мертвым. Глаза цвета сырой, непереработанной нефти не отражали даже отблесков галогенового прожектора. Они втягивали в себя свет, словно две черные дыры.

— Твоих детей никто не тронет, — негромко бросил Демидов. — Они уже на пути на охраняемую дачу под Тверью. Я не воюю с женщинами и сопливыми щенками. В отличие от твоего Каверина. Но ты за эти деньги сгниешь заживо.

Палец Демидова остался снаружи спусковой скобы. Резким, расчетливым движением предплечья Демидов перевернул пистолет и тяжелой стальной рукоятью впечатал Козыреву в скулу.

Раздался мокрый треск ломающейся кости. Логист захлебнулся собственным криком и кулем повалился набок, ударившись виском о диск переднего колеса. Тело его обмякло, из рассеченной брови на мокрый серый бетон потекла широкая темная струя.

Из тени за седаном бесшумно выступил начальник службы безопасности — двухметровый Тимур Багиров с каменным лицом кавказского горца. В руках Тимура появилось чистое вафельное полотенце. Он молча протянул его боссу.

Демидов убрал пистолет за пояс брюк, взял полотенце и с безгливой методичностью принялся вытирать окровавленные костяшки пальцев.

— В изолятор на загородный склад, — бросил он Тимуру, не глядя на распростертое тело. — Врача ему. Пусть зашьет рожу и зафиксирует ребра. Утром продолжим разговор по Каверину.

— Сделаем, Руслан Сергеевич, — глухо отозвался начальник охраны.

У Дианы за колонной подкосились колени.

Ледяная волна паники обожгла внутренности так, что заболели зубы. Воздух застрял в горле колючим комом. Она видела это. Своими собственными глазами. В метрах от се-

бя. Настоящую, беспощадную бандитскую расправу. В ее тихом, понятном мире старых книг, акварельных подрамников и музейной пыли таких людей просто не существовало — о них писали криминальные хроники, их боялись до дрожи, от них бежали без оглядки.

Если ее заметят... Если эти волкодавы поймут, что за колонной кто-то стоял и слушал имена, явки, Каверина...

Ее не просто не выпустят отсюда. Ее закопают в том же самом бетоне, прямо под колесами этих бронированных монстров.

«Бежать, — пронеслось в воспаленном мозгу единственное спасительное слово. — Назад к лифту. Наверх. В город. В полицию... Нет, к Полине, хватать сестру и на вокзал...»

Диана начала медленно, осторожно переступать на цыпочках, боясь даже зашуршать шерстяной тканью пальто. Шаг. Еще шаг назад, в спасительную тень технического кармана.

Сердце грохотало в ушах так громко, что казалось, этот стук разносится по всему пустому ярусу.

Оставалось сделать еще два шага, завернуть за угол шахты и броситься к эвакуационной лестнице.

Она сделала этот шаг.

И каблук ее правого сапога предательски, со свистом поехал в сторону.

На полу, прямо под водосточной трубой, разлилась широкая, незаметная в полумраке маслянистая лужа синего

стеклоомывателя. Подошва мгновенно потеряла сцепление с гладким полимером. Диана взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, ее плечо глухо ударилось о металлическую раму щитка, картонная папка выскользнула из-под мышки, а зажатая в онемевших пальцах связка ключей полетела на пол.

Лязг.

Оглушительный, пронзительный, металлический звон латунных ключей о голый бетон прокатился по мертвому пространству паркинга, подобно разрыву гранаты.

Эхо подхватило этот звон и заметалось под сводами: дзинь-дзинь-дзинь...

Диана замерла, вжав голову в плечи. Мир вокруг нее мгновенно застыл, лишившись всех красок.

На площадке перед седаном воцарилась абсолютная, зловещая, замогильная тишина. Охранники в балаклавах замерли над телом Козырева. Тимур застыл с рацией у рта.

А Руслан Демидов медленно, очень плавно опустил руку с полотенцем.

Его широкие плечи неторопливо развернулись в направлении опоры номер четырнадцать. Он не дернулся, не выхватил оружие — он просто повернул голову, и его нечеловечески тяжелый, непроницаемый взгляд цвета сырой нефти сквозь сумрак подземного яруса впился точно туда, где стояла Диана.

Она физически почувствовала этот взгляд — словно к ее

виску прижали ледяное дуло пистолета.

Демидов не повысил голоса. Его низкий, густой рокот прозвучал в мертвом воздухе как раскат далекого грома:

— Тимур. Взять её. Живой.

Глава 2

Звук этого приказа сорвал предохранитель в ее голове.

Диана даже не взглянула на брошенные в лужу ключи и папку с чертежами. Животный, первобытный инстинкт самосохранения вытолкнул ее из укрытия: она резко развернулась на каблуках и со всех ног бросилась бежать по проходу к зеленому светящемуся прямоугольнику указателя «Выход / Эвакуационная лестница».

Бежать. Только бежать. Не оглядываться. Не дышать.

Каблуки сапог отчаянно и часто колотили по бетону, вздымая мелкие брызги маслянистой воды. Сердце колотилось в ребра так, словно хотело выломать грудную клетку изнутри. Перед глазами стояла только эта светящаяся зеленая табличка — спасительный портал в мир живых людей, нормальных улиц, светофоров и ночных витрин.

Сзади уже слышался глухой, слаженный топот тяжелых армейских ботинок. Они двигались без криков, без суеты — как слаженная стая натренированных волкодавов, загоняющая косулю в загон.

Диана добежала до поворота за опору номер двенадцать, собираясь срезать угол к лестничной двери.

И в этот миг из густой тени за вентиляционным коробом прямо перед ней выросла двухметровая фигура в черной штурмовой разгрузке. Охранник в балаклаве перекрыл

узкий проход наглухо, расставив руки в тяжелых кевларовых перчатках. Из узких прорезей ткани на нее холодно смотрели чужие водянистые глаза.

— Стоять, — глухо бросил боец.

Диана задохнулась от ужаса, но страх сработал как пружина. Вместо того чтобы затормозить, она крутанулась на носках вправо, скользнув в узкую щель между кирпичной трансформаторной будкой и металлической сеткой распределительного узла. Ткань пальто с сухим визгом зацепилась за проволоку, пуговица на кармане с треском отлетела, но Диана даже не почувствовала боли — адреналиновый пожар выжег все нервные окончания.

Она выскочила из узкого лаза на противоположную сторону технического коридора, увидела впереди темный проем запасного шлюза и прибавила скорость, вкладывая в этот рывок последние силы.

И в следующую секунду на полном ходу, всем телом, впечаталась в несокрушимую преграду.

Это было похоже на столкновение с монолитной гранитной скалой. Никакой амортизации, никакой податливости — глухой, тяжелый удар вышиб весь воздух из ее легких со свистящим звуком.

Диана отшатнулась, в глазах брызнули темные искры, ноги подкосились, и она начала заваливаться назад на скользкий бетон.

Но упасть ей не дали.

Две огромные, обжигающе горячие мужские ладони с реакцией разъяренного зверя метнулись вперед.

Одна рука властно и жестко обвила ее талию, сминая шерсть пальто и плотно прижимая хрупкое девичье тело к себе, а вторая железным капканом сомкнулась на ее правом плече, намертво лишая малейшей подвижности. Одним слитным, чудовищно мощным движением мужчина провернул ее вокруг оси и с глухим ударом впечатал лопатками в шероховатый бетон колонны.

Диана судорожно всхлипнула, ударившись затылком о стену, и зажмурилась от вспышки боли.

А когда открыла глаза — дыхание перехватило окончательно.

Над ней возвышался Руслан Демидов.

Он нависал над ней всей своей подавляющей, колоссальной мышечной массой, практически вдавливая ее в холодный камень. Его широкая грудь, затянутая в темную сорочку, тяжело и ровно вздымалась в считанных сантиметрах от ее груди. Он даже не сбил дыхание после этого броска.

Он убрал ладонь с ее плеча и уперся ею в колонну возле виска. Другой рукой продолжал удерживать талию. Диана попыталась повернуться боком — пальцы на пальто сомкнулись крепче.

Диану накрыло тяжелой, удушливой волной его запаха. Никакой парфюмерной сладости — только горький аромат крепких кубинских сигар Cohiba, смолистый можжевельник,

холодный кедр, терпкий запах выделанной кожи его пальто и отчетливый, металлический, леденящий дурман свежей крови, запекшейся на его сбитых костяшках. Этот запах кружил голову, заставлял внутренности сжиматься в тугую, пульсирующий узел.

Демидов молчал.

Он смотрел на нее сверху вниз с расстояния в ладонь. Его лицо из темного гранита с резкими, хищными скулами и жесткой черной щетиной казалось высеченным из камня. Прямой нос с горбинкой, волевой квадратный подбородок, четко очерченные, жесткие губы.

Но страшнее всего были его глаза. Два черных омута цвета сырой, тяжелой нефти. Зрачки сливались с темной радужкой. Диана искала в его лице хоть намек, что он передумает, но взгляд только задержался на ней дольше. Он разглядывал ее так, словно препарировал взглядом: скользнул по пепельно-русые прядям, выбившимся из заколки и рассыпавшимся по плечам, задержался на бледных скулах, на тонкой девичьей шее, где под прозрачной кожей бешено, судорожно пульсировала синяя жила сонной артерии.

Затем его взгляд опустился к ее губам — припухшим, сухим, судорожно ловящим воздух.

Диана чувствовала, как от его тела исходит сокрушительный, почти невыносимый мужской жар. Он пробивал слои ее одежды, обжигал кожу сквозь тонкий кашемировый джемпер. Каждое биение его мощного пульса отзывалось дрожью

в ее собственных коленях.

Демидов медленно наклонил голову чуть ниже. Его губы оказались прямо у ее пылающего уха.

— Диана Золотова, реставрационная мастерская, — сообщил за его спиной подоспевший Тимур. В руках у него была подобранная папка с ее пропуском под прозрачной обложкой.

— Шустрая, — произнес он тем самым низким, раскатистым баритоном, от которого по ее позвоночнику побежали колючие ледяные мурашки. Вибрация его голоса отдавалась прямо в ее грудной клетке. — Бегаешь хорошо. Но от меня в этом городе еще никто не убегал, девочка.

Диана судорожно сглотнула, пытаясь разжать сведенное судорогой горло. Пальцы ее рук дрожали мелкой, непрекращающейся дрожью.

— Ты видела то, чего не должна была видеть ни одна живая душа, — продолжал он, и его горячее дыхание, пахнущее терпким табаком, обжигало нежную кожу на ее шее. — Знаешь, что положено по законам моего мира за то, что ты сейчас услышала? Таких свидетельниц, девочка, закатывают в бетон без суда и следствия еще до рассвета.

Диана вздрогнула. Он произносил это буднично, стоя так близко, что она видела засохшую кровь у края его ногтя.

Ужас на мгновение сковал все ее существо ледяным панцирем. Перед глазами снова возник Козырев — окровавленный, воющий на коленях, с разбитой в щепки челюстью. Она

представила, как эти же страшные руки сомкнутся на ее горле, как тяжелое дуло упрется в ее лоб...

И вдруг внутри нее что-то с щелчком переломилось.

Страх достиг предела и переродился в чистую, обжигающую, яростную девичью гордость. Всю свою жизнь Диана боролась за выживание. Когда умерли родители, когда дальние родственники пытались отобрать их квартиру, когда приходилось учиться на отлично и ночами реставрировать ветхие гравюры, чтобы прокормить сестру, — она ни разу не встала на колени. Ни перед кем. И перед этим холеным бандитом, решившим, что ему принадлежит весь мир, она ползать не станет!

Диана резко расправила плечи, насколько позволяла тяжесть навалившегося на нее тела, и со всей силы уперлась обеими ладонями в каменную твердь его груди. Мышцы под сорочкой были жесткими, как кора столетнего дуба. Сдвинуть его не удалось бы и подъемным краном, но она не отступила.

Она вскинула подбородок, гордо запрокинув голову, и посмотрела прямо в его страшные нефтяные глаза.

Ее серо-зеленые глаза полыхнули таким чистым, безумным изумрудным пламенем, что воздух между ними словно наэлектризовался до треска.

— Уберите от меня свои грязные руки! — процедила она сквозь зубы. Голос сорвался на первой ноте, но тут же окреп, зазвенев лезвием дамасской стали. — Убийца! Бандит! Ду-

маете, я испугалась ваших пистолетов?! Стреляйте прямо сейчас! Ну же, доставайте свою пушку и стреляйте мне в лицо! Потому что на колени перед вами я не встану. Ни за что! Слышите меня?!

Эхо ее звонкого, яростного голоса разнеслось по коридору, ударившись о стены будки.

Один из бойцов СБ, подошедший следом за боссом, невольно вскинул карабин, опешив от такой наглости. Тимур за спиной Демидова нахмурился, положив ладонь на рукоять кобуры. Никто и никогда в здравом уме не смел повышать голос на Руслана Демидова. Любого мужчину за такие слова в ту же секунду втоптали бы в бетон.

Но Демидов даже пальцем не шевельнул.

Он замер. Его темные брови медленно поползли вверх.

В глубине его непроницаемых, мертвых зрачков, где секунду назад царил арктический холод, вдруг плеснуло чем-то совершенно иным. Он покосился на вздернутый карабин своего бойца и едва заметно качнул головой. Оружие опустилось. Демидов снова посмотрел на Диану — уже с темным, ненасытным азартом. Дикого, первобытного азарта вожака стаи, перед которым маленькая раненая птица вместо жалобного писка вдруг оскалила зубы и бросилась в драку.

Его взгляд снова скользнул по ее лицу — по распахнутым, горящим ненавистью серо-зеленым глазам, по пылающим щекам, по упрямой складке между бровями.

Уголок его жестких губ дрогнул, приподнимаясь в едва

заметной, смертельно опасной усмешке.

— Дерзкая, — пророкотал он тихо, словно пробуя это слово на вкус. — Смотри-ка... Не плачешь. Не ползаешь. Не просишь пощады.

Его правая рука медленно оторвалась от холодной поверхности колонны. Та самая рука со сбитыми до мяса смуглыми костяшками, пахнущая железом и порохом.

Диана напряглась всем телом, готовясь к удару, инстинктивно втянув голову в плечи.

Но удара не последовало.

Большие, тяжелые, шершавые пальцы Демидова с удивительной, пугающей точностью легли на ее подбородок. Его хватка была непререкаемой: он слегка сжал ее челюсть подушечками пальцев, не причиняя боли, но заставляя ее держать голову высоко поднятой.

Затем его широкий большой палец медленно, с тяжелым, бархатным нажимом провел по ее нижней губе.

Кожу обожгло как раскаленным железом. От этой ласки — властной, собственнической, не терпящей возражений — по телу Дианы прокатилась такая мощная, разрывающая дрожь, что у нее подкосились колени, и она всем весом повисла на его руке, удерживающей ее талию.

Демидов почувствовал эту дрожь. В его глазах вспыхнуло торжество абсолютного хозяина.

— Зря хорохоришься, Золотова, — его голос стал еще глубже, перейдя в густой, вибрирующий интимный шепот

прямо над ее губами. — Пули на тебя тратить я не стану. Ты слишком красива, чтобы гнить в могиле. Но с этой секунды ты забываешь слово «свобода». Ты принадлежишь мне. Целиком. От этих русых волос до кончиков пальцев на ногах. И запомни хорошенько: теперь в этом городе ты будешь бояться только одного человека. Меня.

Глава 3

Он не дал ей опомниться.

Широкая ладонь Демидова соскользнула с ее подбородка, опустилась к запястью и сомкнулась вокруг тонкой девичьей кости неразмыкаемым стальным браслетом. Диана попробовала вывернуть кисть узкой стороной между его пальцами. Он перехватил выше, и ей пришлось шагнуть за ним, спасая плечо от рывка.

— Пошла, — негромко скомандовал он.

Он развернул ее и повел обратно по техническому проезду. Диана попыталась упереться ногами в пол, каблук сапог заскрежетали по полимеру, но Демидов просто шагнул вперед широким, неторопливым, хищным шагом, увлекая ее за собой с непреодолимой силой локомотива.

Они миновали опору номер четырнадцать. Седана и тела Козырева уже не было — охрана зачистила площадку с армейской слаженностью. Лишь на бетонном полу темнело свежее пятно, присыпанное белым порошком, а у стены боец принимал у Тимура папку с морозовскими чертежами и ее ключи.

Впереди, на освещенном пандусе выезда, урчал на холодных оборотах массивный угольно-черный бронированный внедорожник Aurus Komendant. Матовый кузов поглощал свет ламп, огромные колеса казались монолитными, а стекла

толщиной в шестьдесят миллиметров отливали глухой синевой бронекapsулы.

Тимур Багиров уже стоял у распахнутой задней двери.

— Садись, — бросил Демидов, подведя ее к высокому порогу.

— Я никуда с вами не поеду! — Диана рванулась в сторону, попытавшись ударить его локтем. — Это похищение! Вы не имеете права!..

Демидов даже не удостоил ее ответом. Он перехватил ее под мышки одной рукой, приподнял над землей с пугающей легкостью, словно пуховую подушку, и втолкнул в салон.

В следующую секунду он шагнул следом и опустился на кожаное сиденье рядом с ней, полностью перекрыв выход.

Тяжелая бронированная дверь захлопнулась с глухим сейфовым звуком. Электроприводы вогнали ригели замков в пазы с сухим щелчком, наглухо запечатывая пассажиров в герметичной капсуле.

В салоне воцарилась вакуумная тишина. Все звуки внешнего мира испарились. Остался лишь мягкий, басовитый шелест двенадцатицилиндрового двигателя. Внедорожник плавно стронулся с места и устремился вверх по серпантину выезда.

Диана в панике вцепилась пальцами в хромированную ручку двери, дернула ее, навалилась плечом — ручка была заблокирована с панели водителя.

— Откройте! — закричала она, колотя кулаком в стекло. — Выпустите меня! На первом же посту ДПС я выбью окно, вас арестуют!

Демидов сидел, откинувшись на спинку из темно-шоколадной кожи Нарра, закинув ногу на ногу. Его распахнутое пальто лежало складками на сиденье. Он молча наблюдал за ее метаниями с холодным любопытством.

— Стекло здесь выдерживает очередь из крупнокалиберного пулемета бронебойными пулями, — Он дождался, пока она снова дернет ручку, и посмотрел на ее покрасневшие пальцы. — Если будешь колотить кулаками, только расшибишь пальцы. А кричать можешь сколько угодно. Этот салон

звуконепроницаем. Снаружи не услышат даже взрыв гранаты.

Диана сжалась в комок у противоположной двери. Ее трясло крупной дрожью:

— Кто вы такой?.. Чего вы от меня хотите?! Я реставратор! Я просто пришла за чертежами! Я не видела ваших разборок, я всё забыла! Отпустите меня...

— Ты слышала имена, Золотова, — отрезал Демидов.

Тимур с переднего сиденья молча передал через консоль двенадцатидюймовый планшет в титановом корпусе.

Демидов коснулся экрана и положил планшет на подлокотник между собой и Дианой, развернув дисплей к девушке. Яркий свет экрана ударил ей в глаза.

Диана опустила взгляд — и сердце словно оборвалось в черную бездну.

На экране было открыто подробнейшее досье: ее фото из загранпаспорта, паспортные данные, институт Сурикова, банковские карты с остатком в тридцать две тысячи рублей, адрес их квартиры на Ломоносовском проспекте...

— Откуда это у вас?.. — прошептала она омертвевшими губами.

— Служба безопасности холдинга работает быстро, — сухо отозвался Демидов. — Моим аналитикам потребовалось меньше пяти минут.

Он провел пальцем со сбитой костяшкой по экрану, перелистывая страницу.

И мир окончательно раскололся на мелкие осколки.

На экране появились дневные кадры с городских камер, поднятые аналитиками. Вот семнадцатилетняя Полина в любимой желтой куртке выходит из дверей гимназии, смеясь с подругой... Вот Полина заходит в булочную на углу проспекта... Вот Полина у подъезда достает связку ключей на красном шнурке...

Ледяной, удушающий ужас сдавил горло Дианы железной хваткой. Ее сестра была под прицелом. В любую секунду эти чудовища могли сделать с ней то же самое, что Демидов сделал с Козыревым на паркинге!

— Полина... — из груди Дианы вырвался крик. — Полина!..

Страх сгорел в пожаре первобытной материнской ярости. Диана вскочила с сиденья и всем телом бросилась на Демидова.

— Не смей! — закричала она прямо ему в лицо, нанося удары кулаками в его широкую грудь и плечи. — Не смей трогать мою сестру, мразь! Она ребенок! Она ни в чем не виновата! Убей меня! Зарежь прямо здесь! Но если ты хоть пальцем тронешь Полину — я тебе глотку перегрызу!

Удары сыпались на него градом. Но Демидов даже не шелохнулся. Для его закаленного тела они были не тяжелее мокрого снега. Он лишь смотрел на нее, и в его нефтяных глазах плясало темное пламя.

Когда она замахнулась снова, его широкая ладонь молние-

носно взметнулась вверх.

Пальцы Демидова сомкнулись вокруг обоих ее запястий и с сокрушительной силой потянули Диану на себя.

Она потеряла равновесие и всем телом рухнула на него. Ее грудь вжалась в его грудь, бедра прижались к его бедрам, а дыхание перехватило от близости.

Прежде чем она успела вскрикнуть, его вторая рука легла ей на затылок. Пальцы зарылись в пепельно-русые волосы, жестко сминая пряди и фиксируя ее голову.

Он приподнял ее лицо к себе.

Их губы разделяло не больше двух миллиметров. Диана чувствовала обжигающий жар его дыхания с нотами табака и можжевельника. Она видела каждую темную точку щетины на его квадратном подбородке, видела собственное бледное отражение в его черных зрачках.

— Успокойся, — пророкотал он.

Его баритон опустился до вибрирующего интимного шепота:

— Успокойся и слушай очень внимательно, маленькая. Твою сестру никто не тронет. С ее головы не упадет волос. Прямо сейчас вокруг вашего дома выставлен негласный круглосуточный пост наблюдения. Шесть моих лучших оперативников перекрыли периметр. Ни один ублюдок Марка Каверина не подойдет к ней ближе чем на пятьдесят метров. Ей оплатят учебу и поступление в любой университет, если она захочет.

Диана судорожно всхлипнула, чувствуя горячие слезы на щеках.

— Какая цена?.. — прошептала она, глядя ему в зрачки.

— Что тебе нужно от меня?..

— Ты, — коротко и тяжело уронил Демидов.

Это слово повисло между ними подобно гильотине.

— Ты слышала допрос, — продолжил он, не отводя взгляда. — Ты видела лицо Козырева. Ты слышала имена. Марк Каверин не оставляет свидетелей. Как только его разведка узнает, что на паркинге была чужая девчонка, на тебя объявят охоту. Тебя снимут снайперы у первого же светофора. Или утащат на завод, где будут пытаться трое суток, пока ты не повторишь каждое слово Козырева. А потом примутся за твою сестру.

Диана содрогнулась всем телом от нарисованной картины.

— Единственное место, где ты останешься в живых — это расстояние вытянутой руки от меня, — голос его чеканил каждое слово. — Ты будешь жить под моим личным надзором. Двадцать четыре часа в сутки. Семь дней в неделю. В моем доме. По моим правилам. Ты не сделаешь шага за порог без моего разрешения. Ты не наберешь ни единого номера без моего контроля. Твоя жизнь отныне принадлежит мне. Будешь послушной — сестра будет в полной безопасности. Попробуешь сбежать — охрана с Полины снимается в ту же секунду. И отвечать за последствия ты будешь сама.

Он медленно разжал пальцы, освобождая ее запястья. На

белой коже остались багровые следы. Но руку с ее волос он не убрал — лишь медленно провел ладонью вниз, к лопаткам, заставляя ее вздрогнуть.

— Ты все поняла, Диана? — тихо спросил он.

Диана посмотрела в его нефтяные глаза. Выбора у нее не было. Капкан захлопнулся намертво.

— Я ненавижу вас, — прошептала она. — Ненавижу каждой каплей своей крови.

Демидов усмехнулся — темно, опасно, хищно:

— Ненависть — отличное чувство, Золотова. Она помогает держать тонус. Главное, помни условия.

Внедорожник вылетел на Кутузовский проспект. Впереди в небо вздымались циклопические башни Москва-Сити, сияющие миллионами холодных неоновых огней.

Глава 4

Въезд в подземный стилобат башни «Империя» охранялся строже, чем правительственный бункер.

Двойной бронированный шлагбаум поднялся лишь после того, как сенсоры считали цифровой ключ автомобиля, а дежурный офицер в бронежилете приложил электронный планшет к бортовому сканеру. Внедорожник скатился на закрытый нулевой уровень, предназначенный исключительно для владельца верхнего пентхауса.

Там не было других машин. Лишь идеально чистый, полированный до блеска антрацитовый пол и приватный лифтовой портал из матовой бронзы и черного стекла.

Демидов вышел первым, не выпуская локтя Дианы.

Перед дверями лифта Руслан наклонился к сенсорной панели, позволив зеленому лазерному лучу считать сетчатку глаза. Створки бесшумно разъехались в стороны, открывая кабину скоростного лифта. Внутри не было кнопок этажей — лишь сенсорная панель под отпечаток ладони хозяина.

Двери закрылись. Лифт сорвался вверх со скоростью восемь метров в секунду. У Дианы мгновенно заложило уши, пол под ногами слегка просел. На табло мелькали цифры: 15... 30... 45... 60.

Рядом стоял Демидов. Он расстегнул пальто и смотрел прямо перед собой. От его плеча исходила мощная волна

тепла. Он казался неподвижным, как скала, но Диана кожей чувствовала натянутую пружину его звериного контроля.

На отметке шестидесятого этажа кабина плавно замедлилась. Створки разъехались.

Диана сделала шаг вперед — и замерла, ошеломленная масштабом открывшегося пространства.

Лифт открывался прямо в огромный холл пентхауса площадью в добрых пятьсот квадратных метров с потолками шестиметровой высоты. Пол был выложен гигантскими плитами черного полированного базальта, отполированного до зеркального состояния. В нем двоились и дрожали огни ночного города.

Вся внешняя стена пентхауса представляла собой сплошное панорамное остекление от пола до самого потолка. За гигантскими стеклами копошилась бесконечная бездна ночной Москвы. Машины внизу казались светящимися бусинами, ползущими по золотым нитям магистралей. Ощущение было таким, словно ты стоишь на краю ледяного космоса, и только стекло отделяет тебя от падения в темноту.

В центре гостиной, в постаменте из рваного сланца, бесшумно пылала трехметровая линия биокамина. Мягкие языки пламени бросали пляшущие тени на мебель из темной замши и матового титана. Абсолютный, стерильный минимализм — логово хищника, не нуждающегося в уюте.

Демидов снял пальто, небрежным движением бросил его на спинку дивана и повернулся к длинной барной стойке из

цельного куска зеленовато-черного кварцита.

— Раздевайся, — бросил он через плечо. — Ты в моем доме. Простудишься — мне придется тратить время на врачей.

Диана не ответила. Ее взгляд лихорадочно метался по сторонам.

Воспользовавшись тем, что он отвернулся к бару, она медленно опустила правую руку в карман своего шерстяного пальто. Пальцы нащупали знакомый прохладный пластик старенького смартфона Xiaomi.

Сердце пропустило удар, а затем заколотилось с утроенной силой. Живой. Телефон был с ней. Ей нужно было всего пять секунд: нажать клавишу, разблокировать экран кодом и набрать сообщение профессору Мартынову или отправить сигнал SOS на номер экстренных служб.

Она нащупала кнопку питания в кармане, чувствуя вибрацию разблокировки.

— Достань руку из кармана, Диана.

Голос Демидова прозвучал негромко, но в нем было столько ледяной стали, что пальцы Дианы мгновенно свело судорогой.

Она вскинула голову.

Демидов стоял у стойки спиной к ней. Но прямо перед ним на полированной поверхности черной базальтовой колонны четко отражалась вся гостиная — и каждая ее попытка, каждый нервный жест были видны ему как на ладони.

Диана в отчаянии закусил губу и судорожно ткнула пальцем в экран внутри кармана.

Демидов развернулся. В два широких неслышных шага он преодолел расстояние между ними.

Прежде чем Диана успела отшатнуться, в правой руке Демидова с сухим щелчком выскочило тонкое полированное лезвие складного карбонового ножа.

Диана вскрикнула, зажмурившись и ожидая удара.

Но Демидов лишь подцепил острием ножа ремешок ее реставрационной сумочки и одним движением рассек кожу. Сумка шмякнулась о базальтовый пол.

Затем его тяжелая ладонь нырнула прямо в карман ее пальто, накрыла ее дрожащие пальцы и выдернула телефон на свет.

— Отдай! — Диана вцепилась обеими руками в его запястье. — Отдай сейчас же, это мое! Ты не имеешь права рыться в моих вещах!

Демидов отстранил ее корпусом, словно ветку на тропе, подошел к стойке и взял высокий граненый стакан тяжелого хрусталя. Скрутив металлическую пробку с зеленой бутылки минеральной воды Perrier, он наполнил стакан до самых краев ледяной шипящей водой.

Диана подбежала к стойке:

— Что ты делаешь?! Не смей!..

Демидов повернул к ней голову. Его нефтяные глаза встретились с ее серо-зелеными зрачками.

— Я предупреждал тебя в машине, Золотова. Ты не умеешь слушать. Значит, учиться будем на практике.

Он разжал пальцы.

Старенький телефон выскользнул из его руки и с глухим всплеском погрузился на дно стакана. Вода взметнулась фонтаном брызг.

Экран смартфона судорожно моргнул белым светом, затем задрожал серой пиксельной рябью. Сквозь стенки хрустала было видно, как сотни пузырьков газа устремились в разъем зарядки и динамик. Дисплей выдал последнюю вспышку, окрасился в ядовито-зеленый цвет и с коротким щелчком замкнувшего аккумулятора погас навсегда.

Диана замерла над стаканом. Слезы бессильной ярости обожгли веки.

— Ты чудовище... — ее голос сорвался на сиплый шепот. — Там были все мои контакты. Мои фото с родителями... Архив реставрации за четыре года... Единственный номер Полины... Ты психопат!

— Телефон заберут мои техники. Сначала восстановят память, — произнес Демидов. Он потянулся к салфетке, но остановился, увидев ее лицо. — И доступ к облаку вернут. Фотографии найдут, Диана. Но прямого доступа во внешний мир у тебя больше нет. Ни соцсетей. Ни звонков профессорам. Ни друзей.

Он сделал шаг в сторону восточного крыла и указал рукой на широкую стеклянную галерею:

— Твоя комната там.

Диана перевела взгляд — и к горлу снова подступила паника.

В восточном крыле располагалась гостевая спальня. Три ее стены были выполнены из абсолютно прозрачного бронированного стекла толщиной в три сантиметра. Внутри виднелась гигантская кровать под темным шелковым покрывалом и дверь в мраморную ванную.

Но главное: широкая раздвижная стеклянная дверь не имела ни единого замка. На ней не было даже защелки или шпингалета — лишь хромированная ручка-скоба. Комната была полностью прозрачной. Как аквариум.

Диана подошла к перегородке, толкнула дверь. Створка бесшумно отъехала в сторону.

Она обернулась к Демидову, сжимая кулаки:

— Здесь даже нет замка! — ее голос звенел от возмущения и стыда. — Вы поселили меня в стеклянной витрине?! Я требую нормальную комнату! С замком, который закрывается изнутри!

Входная бронированная дверь пентхауса позади них внезапно вздрогнула. Раздался тяжелый металлический гул — автоматика сервера заблокировала ригели на ночь. Звук этот прозвучал как захлопнувшаяся крышка гроба.

Демидов неторопливо подошел к ней вплотную.

Он остался в одной темно-серой сорочке. Ткань туго обтягивала его мощную грудь, расстегнутый ворот приоткры-

вал рельефную шею и темные завитки волос на груди. От него веяло чистой мужской силой.

Он шагнул в стеклянный проем спальни, вынуждая Диану отступить назад, и положил тяжелую ладонь на стеклянный косяк прямо над ее головой, перекрывая выход. Его фигура заслонила свет камина, погрузив ее в бархатную тень.

— Прислуги здесь нет, — негромко произнес Демидов. — Горничная приходит трижды в неделю, когда меня нет дома. Охрана дежурит на этаже перед дверью и на террасе снаружи. Внутри этой квартиры находимся только ты и я.

Он медленно наклонился вперед, заглядывая в самую глубину ее широко распахнутых серо-зеленых глаз. Диана чувствовала бешеный ритм своего сердца, отзывающийся в его грудной клетке.

— И запомни раз и навсегда, Золотова, — его голос стал бархатным, интимным, обжигающе опасным шепотом. — В этом доме замков для тебя не будет. Никогда. Я захожу в эту комнату тогда, когда считаю нужным. И делаю то, что считаю нужным. Твое личное пространство осталось внизу. На мокром бетоне минус второго яруса.

Его тяжелый взгляд медленно скользнул по ее шее, опустился к вздымающейся груди и снова вернулся к ее дрожащим губам:

— Снимай сапоги и ложись в постель, Диана. Завтра ровно в семь утра начинается твоя новая жизнь. И поверь мне... скучать тебе здесь не придется. Добро пожаловать в ад.

Он медленно убрал руку с дверного проема, развернулся и пошел по базальтовому зеркалу пола в сторону своего крыла.

Тяжелая дверь его личного кабинета закрылась с глухим стуком.

Диана осталась стоять посреди стеклянного аквариума.

Она подошла к панорамному окну спальни, прижавшись горячим лбом к ледяному стеклу. Далеко внизу, в черной бездне, спал равнодушный город. А здесь, на высоте птичьего полета, она была заперта один на один с самым опасным хищником столицы, из когтей которого не существовало спасения.

Глава 5

Проснувшись на шестидесятом этаже, Диана потянулась к тумбочке за телефоном. Пальцы скользнули по пустому стеклу, и сон оборвался.

Диана открыла глаза и несколько секунд просто смотрела в пятиметровый потолок, мучительно вспоминая, где находится. В огромной гостевой спальне не было привычного утреннего шума Ломоносовского проспекта: ни гудения ав-

тобусов под окнами, ни запаха подгоревшей яичницы из соседской квартиры. Здесь все было иным. Воздух казался стерильным, очищенным мощными климатическими фильтрами, с едва уловимым шлейфом можжевельника, горького кубинского табака и тяжелой оружейной стали.

Запах хозяина этой заоблачной цитадели. Запах Руслана Демидова.

Воспоминания вчерашней ночи нахлынули свинцовой волной, выбивая воздух из легких. Темный, пахнущий бензином и кровью подземный паркинг на минус втором ярусе башни «Демидов Плаза». Глухие удары плоти о железо. Хриплый, захлебывающийся вой предателя Козырева, которого двое боевиков вжимали в разбитый капот седана. И Демидов — огромный, безжалостный, с разбитыми до багровых ссадин костяшками кулаков, с опущенным вороненым пистолетом в левой руке. Его тяжелый, звериный взгляд, вонзившийся в нее из полумрака за бетонной опорой, когда ее предательские ключи со звоном упали на мокрый бетон.

«Взять её».

Диана резко села на кровати, путаясь в невесомом пуховом одеяле. Сердце тут же заколотилось о ребра, как пойманная в силки птица. Пальцы мелко и неудержимо дрожали.

Ее вчерашней одежды — кашемирового джемпера и потертых джинсов — нигде не было. Кресло из букле у туалетного столика стояло пустым. Охрана забрала все, пока она спала тяжелым, изматывающим сном без сновидений. На

Диане осталось только простое хлопковое белье.

Она спустила босые ноги на пол. Паркет из выбеленного дуба отозвался утренней прохладой. За панорамной стеклянной стеной раскинулась Москва. Город лежал далеко внизу, под слоем рваных облаков, подсвеченных снизу багровым и холодным золотом. От этой высоты кружилась голова: ты словно парил над бездной на ледяной скале, отрезанный от всего живого мира. Ни звука машин, ни шелеста деревьев — лишь безмолвный аквариум над землей.

— Спокойно, Диана, — шепнула она себе пересохшими губами. — Не реветь. Только не перед ним. Ты вытащишь Полину. Ты выберешься.

Она подошла к широкой двери гардеробной и толкнула матовое полотно. Внутри вспыхнула мягкая точечная подсветка.

Диана замерла на пороге, судорожно сжав кулаки.

Полки и вешалки ломились от роскоши. Все было подобрано с пугающей, педантичной точностью под ее мерки: кашемировые водолазки дымчатых оттенков, юбки из нежнейшей кожи, брючные костюмы, платья из натурального шелка. В открытых бархатных ящиках комода аккуратными рядами лежало кружевное белье La Perla.

Каждая бирка, каждый ценник кричали об одном: ее купили. Ее оценили, обмерили чужими глазами и заперли в золоченом вольере, словно канарейку.

— Не дожدهшься, — процедила Диана в звенящую тиши-

ну.

Горло обожгла горячая волна унижения. Как реставратор старинной графики, она знала цену истинному мастерству и презирала показной криминальный лоск. Она представила, как натягивает этот струящийся шелк, спускается к Демидову и садится напротив, изображая покорную содержанку. Мужчина, который вчера готов был пустить пулю в лоб человеку прямо на ее глазах, решит, что сломал ее за одну ночь парой дорогих тряпок.

Она с силой оттолкнула плечики с кашемировым джемпером. Ткань зашуршала, съезжая на пол. Диана развернулась, собираясь выбежать обратно, но ее взгляд зацепился за массивный комод из мореного ясеня у самого входа.

Нижний ящик был неплотно прикрыт. Диана потянула тяжелую латунную ручку на себя.

Внутри лежала стопка мужских сорочек. Чистый, плотный итальянский хлопок угольно-черного цвета, безупречно отглаженный, с тонкими перламутровыми пуговицами. Вещи Руслана.

Диана вытащила верхнюю рубашку и развернула ее. Ткань хранила едва уловимый шлейф его парфюма — смолистый можжевельник, терпкие табачные листья и запах раскаленной оружейной стали, от которого вчера в салоне броневика у нее мутился рассудок.

Решение пришло мгновенно — острое, дерзкое, бескомпромиссное.

Она вспомнила, как три года назад, когда погибли родители, судебные приставы и коллекторы ломались в их обшарпанную двушку, требуя вернуть долги отца по закрытому бизнесу. Тогда Диана впервые узнала, что такое звериный страх за Полину, которой едва исполнилось четырнадцать. Она встала в дверях, сжимая в руке кухонный нож, готовая перегрызть глотку любому, кто переступит порог. Она не сломалась тогда — и не сломается сейчас, даже если ее тюремщик ворочает миллиардами и держит в страхе половину силовых ведомств страны.

Она накинула сорочку прямо на голое тело.

Холодный хлопок обжег ключицы и грудь. Мужская рубашка гиганта ростом под два метра была ей катастрофически велика. Линия плеч сползла почти до середины плеча, обнажив хрупкую фарфоровую шею и ключичную ямку. Рукава закрывали пальцы целиком — Диане пришлось быстро подвернуть манжеты трижды, зафиксировав их на середине предплечий.

Она застегнула мелкие пуговицы, оставив верхние три расстегнутыми, чтобы не задохнуться от бешено стучащего в горле пульса. Подол сорочки едва прикрывал середину бедер, оставляя длинные, стройные ноги абсолютно открытыми.

Это был открытый вызов. Плевок в лицо его навязанному золотому гардеробу.

Диана толкнула стеклянную перегородку спальни и боси-

ком вышла в просторный центральный холл.

Черный полированный базальт пола охлаждал ступни. Огромное пространство лофта казалось пустынным: биокамин с белыми камнями, диваны цвета мокрого асфальта, консоли из колотого камня. Диана сделала несколько шагов к центральному витражу, вглядываясь в горизонт, где над МКАДом поднималось холодное солнце.

В этот момент за ее спиной с тихим щелчком отворилась дверь частного спортзала.

Диана вздрогнула и резко обернулась.

Из зала вышел Руслан Демидов.

Воздух в холле словно мгновенно потерял половину кислорода. Диана застыла.

Он был после тяжелой силовой тренировки и душа. На нем не было ни бронежилета, ни пальто. Только свободные серые спортивные брюки из тонкого трикотажа на широких шнурках, низко сидящие на узких бедрах. Босые ступни ступали по камню абсолютно бесшумно — походка матерого хищника.

Его мощный торс бойца ММА был полностью обнажен. Литые мышцы груди и четкие кубики пресса блестели от капель влаги. Широченные плечи казались вытесанными из темного гранита, на правом предплечье темнел замысловатый кельтский узор татуировки. Короткие смоляные волосы были мокрыми и небрежно зачесаны назад, обнажая жесткую линию челюсти с черной щетиной. На шее висело чер-

ное полотенце.

Демидов вытирал затылок, поднимая глаза, и в следующую секунду замер как вкопанный.

Полотенце застыло в его широкой ладони.

Диана почувствовала, как по позвоночнику пробежал электрический ток. Взгляд его глаз цвета сырой нефти намертво пригвоздил ее к полу. Зрачки Демидова расширились почти на всю радужку.

Медленно, неотрывно, с пугающей плотоядностью его взгляд скользнул по ее босым пальцам, поднялся по безупречно прямым ногам, задержался на крае подола черного хлопка, открывающего внутреннюю линию бедер, и поднялся выше. Туда, где тонкая ткань его собственной рубашки натянулась на девичьей груди, отчетливо очерчивая твердые горошины сосков, напрягшихся от сквозняка и дикого адреналина. На расстегнутый ворот, из которого белела фарфоровая кожа ее тонкой шеи. На ее припухшие, судорожно сжатые губы и огромные серо-зеленые глаза, в которых страх мешался с яростной гордостью.

Пауза затягивалась, превращаясь в гудящий высоковольтный провод.

Руслан медленно опустил полотенце, сжав его в кулаке так, что вздулись вены. Его грудь тяжело поднялась и опустилась.

— Вот как, — наконец произнес он.

Его голос был низким, хриплым, вибрирующим на той

опасной частоте, от которой у Дианы внутри все сжалось в тугой узел.

Он сделал два неторопливых шага вперед.

— Я распорядился привезти тебе лучший гардероб столицы, Золотова, — Демидов остановился в трех шагах от нее, возвышаясь каменной стеной. От него веяло раскаленным жаром распаренного тела, ароматом мыла с ветивером и той животной властью, которая заставляла мужчин опускать глаза, а женщин — терять рассудок. — Там платья, за которые светские львицы продают душу. А ты напялила мою сорочку на голое тело.

Диана вскинула подбородок, сдерживая дрожь в коленях:

— Я не продаюсь за шмотки, Демидов. И вашей содержанкой быть не собираюсь. Мне не нужны ваши подачки.

На суровом лице Руслана не дрогнул ни один мускул. Лишь уголок жестких губ едва заметно дернулся вверх в опасном оскале.

— Ты думаешь, это бунт, девочка? — он наклонил голову набок, и его нефтяной взгляд снова жадно мазнул по глубокому вырезу на ее груди. — Ты выглядишь в ней чертовски вызывающе. Моя рубашка на твоем теле выглядит так, будто я брал тебя на этом гранитном полу всю ночь, а под утро позволил накинуть ее, чтобы ты сварила мне кофе. Ты решила испытать пределы моего терпения в первый же день?

Кровь с бешеной силой бросилась Диане в щеки, заливая шею пунцовым жаром.

— Не смейте! — задохнулась она от возмущения, сжимая подвернутые рукава в кулаки. — Вы отвратительны! Вы бандит и скотина!

— Я хозяин в этом доме, — Демидов бросил полотенце на скамью у спортзала. Диана осеклась, но осталась на месте. — И ты здесь только потому, что я пока не решил, что с тобой делать. Иди на кухню. Живо. И молись, чтобы я успел остыть, пока наливаю кофе.

Глава 6

Кухня в пентхаусе Демидова больше напоминала операционную закрытого исследовательского центра, если бы ее проектировал безумный эстет-миллиардер.

Никаких лишних деталей: сплошной монолит из черного карельского гранита, полированная до зеркального блеска сталь встроенной техники Gaggenau и матовое графитовое стекло шкафов от пола до потолка. В центре возвышался пятиметровый кухонный остров, похожий на жертвенный алтарь.

Пока Диана стояла посреди холла, пытаясь унять бешеный пульс, Руслан успел натянуть темно-синюю футболку из тонкого мерсеризованного хлопка. Ткань обтянула его широкую спину так плотно, что сквозь нее проступал каждый рельеф лопаток и мощных трапеций. Он оставался босым, и этот контраст — высокотехнологичный пентхаус и первобытная физическая мощь хозяина — давил на психику сильнее любого оружия.

На гранитном острове уже стоял сервированный завтрак, который Руслан успел приготовить, пока Диана стояла в холле: две широкие тарелки из черного матового фарфора с пышным омлетом с зеленью, аккуратные слайсы слабосоленого лосося на хрустящих тостах и веер из спелого авокадо. В воздухе плыл густой аромат свежемолотой арабики.

Руслан нажал сенсор кофемашины, наполнил две фарфоровые чашки черным эспрессо без сахара и небрежным жестом пододвинул одну из них на противоположный край острова.

— Садись, — бросил он, даже не глядя на нее. — И ешь.

Диана подошла к острову, но осталась стоять у высокого барного стула. Она демонстративно скрестила руки на груди, отчего глубокий вырез мужской сорочки распахнулся еще шире, выставляя напоказ фарфоровые ключицы и ложбинку груди.

— Я не сяду за один стол с бандитом, — отчеканила она ледяным тоном, глядя прямо в переносицу Демидова. — И не съем ни крошки из ваших рук. Можете запереть меня в подвале, можете разбить мне лицо, как тому несчастному на парковке. Но дрессировать меня не выйдет.

Руслан медленно опустил чашку на камень. Звук соприкосновения фарфора и гранита прозвучал как щелчок взводимого курка.

Фарфор скользнул по камню. Руслан поставил чашку точно в центр блюда; Диана следила за его пальцами, ожидая, когда он наконец ответит.

Демидов аккуратно положил салфетку, поднялся во весь свой огромный рост и стал медленно обходить остров.

Диана инстинктивно дернулась назад, но отступить было некуда: поясница уперлась в край острова, а барный стул преградил путь сбоку. Она попыталась метнуться вправо, но

Руслан в одно смазанное движение преодолел разделявшие их метры.

Прежде чем она успела вскрикнуть, его тяжелые ладони с глухим стуком опустились на гранитную столешницу по обе стороны от ее бедер.

Он запер ее.

Диана оказалась зажата в глухой капкан между камнем острова и его гигантским, пышущим жаром телом. Лицо Руслана нависло прямо над ней. Диана почувствовала, как ее обдало волной его личного запаха: можжевеловый гель, горький табак, кофе и чистая мужская плоть. Дыхание перехватило, сердце заколотилось где-то в горле.

— Ты вчера видела Козырева, — заговорил Руслан. Его низкий вибрирующий баритон звучал прямо над ее ухом, заставляя вибрировать каждую косточку. — Ты видела его разбитую морду, кровь на бетоне и решила, что попала в лапы к маньяку. Хочешь знать правду, Золотова?

Он подался еще ближе, сокращая дистанцию до критических миллиметров. Диана чувствовала, как тепло его груди пробивается сквозь ткань футболки и обжигает ее обнаженные ключицы.

— Этот «несчастный» три недели назад слил людям Марка Каверина график движения и защищенные маршруты наших фур с электронными компонентами на восточной трассе, у таежного перевала, — каждое слово Демидов вбивал, словно стальной гвоздь. — Пять фур сожгли на перевале.

Трое моих парней, у которых остались семьи и маленькие дети, сгорели заживо, заблокированные в кабинках. Козырев получил за наводку полтора миллиона и вчера собирался вылететь в Дубай через Минск. Если бы я не выбил из него явки вчера на бетоне — сегодня ночью боевики Каверина сожгли бы этот пентхаус. И тебя бы в твоей квартире на Ломоносовском пустили в расход, просто чтобы зачистить район как свидетеля.

Диана побелела. Ее серо-зеленые глаза расширились, но внутренний стержень не позволил ей сломаться:

— Это ваши криминальные войны! Ваши грязные миллиарды и трупы! Я реставратор, Демидов! Я восстанавливаю старинные гравюры и рукописные книги! Я никогда в жизни чужого не взяла! Почему я должна расплачиваться за то, что вы не поделили город с другим ублюдком?!

— Потому что ты оказалась не в ту секунду не на том этаже, — отрезал Руслан. В его глазах цвета сырой нефти полыхнул яростный темный огонь. — И потому что в живых свидетелей кровавых разборок в этом городе верят только идиоты. По всем законам улиц я должен был закатать тебя в бочку с бетоном и сбросить в Москву-реку еще вчера в полночь.

— Так сделайте это! — крикнула Диана ему в лицо, задыхаясь от ярости. — Чего вы ждете?! Вперед! Закатайте в бетон!

Лицо Демидова опасно потемнело. Он оторвал правую ру-

ку от столешницы.

Диана дернулась, ожидая удара, но его горячая ладонь легла ей на горло — властно и неотвратимо фиксируя голову. Его длинные пальцы скользнули вверх, обхватывая ее тонкий девичий подбородок. Хватка была стальной. Кожа на его пальцах была жесткой, шершавой от тренировок с железом.

Он слегка сжал ее челюсть, заставляя запрокинуть голову назад.

Их взгляды скрестились. Диана видела каждую крапинку в глубине его темных зрачков, видела тонкий шрам у крыла носа, чувствовала его горячее дыхание на своей коже.

Затем Демидов медленно поднял большой палец.

Его шершавая, обжигающая подушечка легла на ее нижнюю губу. С легким нажимом, властно и мучительно медленно он провел пальцем от одного уголка ее губ к другому, слегка сминая нежную плоть, заставляя губы приоткрыться.

Диану словно ударило током в двести двадцать вольт.

По спине пробежала судорожная дрожь. Колени подкосились, и если бы не его рука на подбородке и край острова за спиной, она бы осела на пол. Воздух застрял в легких. Внутри вспыхнуло унижительное пламя, разлившееся жидким жаром по низу живота.

— Ты вешишь сорок восемь килограммов, Золотова, — хрипло, почти интимно прошептал Демидов, глядя на ее влажные, припухшие от его прикосновения губы. — Хрупкая, как фарфоровая статуэтка. Если ты вздумаешь устроить

мне здесь голодовку — я лично свяжу тебе руки за спиной, усажу к себе на колени и буду вливать бульон тебе в глотку с ложки. Каплю за каплей. Ты поняла меня?

Диана смотрела на него, не в силах скрыть бешеную пульсацию сонной артерии под его пальцами.

— Вы... вы чудовище... — с трудом выдавила она пересохшими губами, которые все еще помнили шершавый ожог его пальца.

— Я реалист, — Руслан убрал руку с ее лица, но не отступил ни на шаг.

Свободной рукой он достал из кармана брюк защищенный смартфон в титановом корпусе. Несколько быстрых касаний экрана — и он развернул дисплей перед ее глазами.

— Смотри сюда.

Диана опустила взгляд на экран — и мир вокруг нее окончательно рухнул.

На экране шла прямая видеотрансляция в безупречном разрешении.

Закрытый, утопающий в вековых соснах дворик элитного пансионата в ближнем Подмосковье. Золотая листва кленов, мощенные гранитные дорожки. На скамейке, поджав ноги в светлых джинсах, сидела ее младшая сестра Полина. На Полине было новое теплое бежевое пальто. Семнадцатилетняя девочка с увлечением что-то рисовала в большом альбоме, периодически отпивая из стаканчика горячий какао.

Рядом со скамейкой вежливо стояла элегантная женщина

в строгом костюме — куратор Елена Васильевна. А в двадцати метрах позади, у резных ворот, замер черный тонированный внедорожник с бойцами Тимура.

— Полина... — вырвался у Дианы сдавленный стон. Она невольно потянулась пальцами к экрану, словно могла сквозь стекло коснуться светлых волос сестры. Глаза обожгли горячие слезы. — Что вы с ней сделали?! Где она?!

— Закрытый образовательный пансион «Сосны» на Рублевке, — Демидов задержал телефон перед ней, позволяя рассмотреть лицо сестры. — Лучшие преподаватели, пятиразовое питание, бассейн и отдельная охрана периметра. Ей сказали, что ты выиграла грант на реставрацию старинных архивов в государственном музейном фонде и уехала в командировку. Ей передали твою записку — почерк наши специалисты скопировали идеально, она ничего не заподозрила. Твоя сестра в безопасности, Диана.

Он выключил экран и убрал телефон обратно в карман.

— Но эта безопасность закончится ровно через три минуты после того, как ты решишь взбрыкнуть, — его голос стал ледяным. — Мои люди снимут охрану. И когда Каверин узнает, чья сестра осталась без присмотра, он не станет кормить ее омлетом и дарить альбомы. Он пустит ее на мясо, чтобы достать меня. Ты все поняла?

Диана стояла, опустив голову. Ее плечи вздрагивали под черной мужской тканью его рубашки.

Она была раздавлена. Он просчитал каждый ее шаг, вы-

бил из-под ног последнюю опору. Защитить Полину — это было единственное, ради чего она жила последние три года после нелепой гибели родителей в автокатастрофе. Ради сестры она бросила очную учебу, брала ночные смены, экономила на обуви и еде.

И теперь жизнь Полины лежала на ладони этого безжалостного хищника.

— Вы нелюдь, — прошептала Диана, поднимая на него глаза, полные слез и упрямства. — Вы заставляете меня ненавидеть вас каждой клеткой тела.

— Ненавидь, — равнодушно усмехнулся Руслан, отступая на шаг назад и освобождая ей пространство. — Ненависть помогает держать спину прямо. А теперь сядь и съешь свой завтрак. Весь, до последней крошки.

Диана медленно опустилась на высокий стул. Пальцы дрожали, в горле стоял колющий ком. Она взяла серебряную вилку, отломил кусок теплого омлета с зеленью и положила в рот.

Еда казалась безвкусной, но она заставила себя прожевать и проглотить. Затем взяла тост с лососем.

Демидов стоял, прислонившись бедром к краю острова, сложив руки на груди, и молча наблюдал за каждым ее движением. В его взгляде читалось тяжелое удовлетворение вожака.

Когда тарелка опустела наполовину, он залпом допил свой эспрессо.

— В двенадцать у меня совет директоров холдинга, потом закрытые переговоры, — сказал он, надевая платиновые часы. — Пентхаус в твоём распоряжении. Но за пределы этажа выхода нет. Тимур дежурит в лифтовом холле. Не пытайся играть со мной в побег.

Он развернулся и пружинистым шагом направился к выходу. Через минуту в глубине коридора послышался щелчок замка приватного лифта.

Диана осталась одна. Она выронила вилку, уронила лицо в ладони и впервые за эти кошмарные сутки тихо, судорожно заплакала.

Глава 7

День прошел как в вязком, душном бреду.

Пентхаус Демидова оказался совершенной автономной крепостью, парящей над мегаполисом на высоте двухсот метров. Около шестисот квадратных метров полированного базальта, стекла, титана и редких пород дерева. Диана обошла каждый угол: огромная двухъярусная библиотека с тяжелыми шкафами темного дуба, персональный кинозал с креслами из черной замши, винный погреб за бронированным стеклом.

Но не было ни единого выхода наружу.

Попытка поговорить с внешним миром разбилась в прах ровно в три часа дня, когда Диана решилась подойти к тяжелой стальной двери лифтового холла.

Едва ее пальцы коснулись биометрической панели, створка отъехала в сторону на полметра. На пороге, словно выросший из пола гранитный утес, стоял начальник личной охраны Руслана — двухметровый Тимур Багиров в черной тактической форме с кобурой под мышкой.

— Пропустите меня, — потребовала Диана, стараясь говорить твердо. — Незаконное лишение свободы карается уголовным кодексом. Откройте лифт.

Багиров даже не моргнул. Его глубоко посаженные карие глаза смотрели на нее с железобетонной невозмутимостью:

— Диана Михайловна, возвращайтесь в гостиную. Шеф отдал четкий приказ.

— Ваш шеф — преступник!

— Руслан Сергеевич сохраняет вам жизнь, — Тимур сдвинулся к середине проема, когда она попыталась заглянуть ему за спину. — На улицах сейчас работают ликвидационные группы Каверина. Они прочесывают Таганку, мастерские Союза художников и адрес вашей прописки. Если вы выйдете за порог этой башни — снайпер положит вас на асфальт раньше, чем вы успеете поймать такси. Не усложняйте. Если вам что-то нужно — еда, книги, лекарства — скажите мне.

— Мне нужна моя свобода! — выкрикнула Диана, сжимая кулаки.

— Свободу гарантирую живым, — отрезал Багиров и нажал кнопку. Бронированная створка бесшумно вернулась на место, заблокировав замок с сухим лязгом.

К ночи тишина пентхауса стала невыносимой.

Диана не находила себе места. В голове непрерывно звучал низкий голос Демидова, перед глазами стояло видео Полины в пансионате, а губы до сих пор помнили шершавое прикосновение его большого пальца. Это воспоминание вызывало ярость, стыд и странный, пугающий озноб внизу живота.

Было около половины второго ночи. Диана приняла прохладный душ, смывая липкое напряжение этого бесконечно-

го дня. В гардеробной она нашла длинный халат из струящегося шелка глубокого изумрудного цвета с запахом и узким поясом. Накинула его на голое влажное тело, завязала пояс небрежным узлом и босиком вышла в холл.

В горле пересохло от духоты. Она хотела дойти до кухни за водой, но краем глаза уловила мягкое бирюзовое свечение, лившееся из западного крыла.

Там, за раздвижными перегородками из закаленного триплекса, располагалась закрытая терраса с подогреваемым бассейном.

Диана толкнула стеклянную створку.

Воздух здесь был влажным, теплым, пахнущим озоном и ночной прохладой. Десятиметровая чаша бассейна была отделана темно-синей мозаикой и подсвечена изнутри подводными лампами. Бирюзовые блики дрожали на стеклянном куполе потолка, за которым мерцало холодное осеннее небо. Ниже, за панорамным остеклением, горело неоновое море ночной Москвы.

Вода казалась абсолютно неподвижной, гладкой, как зеркало.

Лунный свет ложился на мрамор у воды. Диана задержалась на пороге: шум вентиляции здесь тонул в плеске, и впервые за день ей захотелось посидеть, вместо того чтобы искать очередную дверь.

Диана подошла к широкому бортику из черного полированного мрамора. Опустилась на колени, затем села, свесив

босые ноги вниз. Ослабила шелковый пояс халата, позволив прохладному сквозняку коснуться распаренной груди и шеи.

Теплая вода ласково коснулась ее щиколоток. Диана прикрыла глаза и запрокинула голову, шумно выдохнув накопившуюся тяжесть:

— Господи... когда же этот ад закончится...

Ответом ей стал сокрушительный взрыв.

Гладь бассейна прямо перед ней вздыбилась тяжелым буруном.

Вода разлетелась фонтаном сверкающих бирюзовых брызг, и из темной глубины с глухим шумом вынырнул Руслан Демидов.

Диана вскрикнула от неожиданности, но тело онемело от шока.

Он проплыл под водой из затененного дальнего конца чаши и теперь вынырнул, словно гигантский морской хищник, атакующий добычу.

Короткие черные волосы были насквозь мокрыми и откинута со лба. Вода сплошными потоками стекала по его лицу, шее, широченным гранитным плечам и рельефным плитам груди, теряясь в узких черных плавках. Мускулы его спины перекатывались от колоссальной силы.

Мощным гребком он сократил расстояние и с тяжелым плеском выбросил руки из воды.

Его мокрые, обжигающе горячие ладони легли на мраморный бортик по обе стороны от бедер Дианы.

Волна выплеснулась через край, окатывая ее ноги и полы изумрудного халата. Тонкий натуральный шелк мгновенно промок насквозь. Ткань потемнела, стала полупрозрачной и намертво, словно вторая кожа, облепила ее округлые бедра, плоский живот и высокую девичью грудь. Соски Дианы, обожженные контрастом воздуха и брызг, мгновенно отвердели, отчетливо проступая сквозь мокрый шелк.

Демидов уперся руками в борт, приподнимаясь над водой на мощных трицепсах. Его лицо оказалось в десяти сантиметрах от ее лица.

Капли с его волос падали ей на обнаженные ключицы. Но

сам он пылал, как раскаленная печь. От его тяжелого дыхания пахло озоном, влагой и диким возбуждением.

Его глаза цвета сырой нефти казались черными безднами. Взгляд Руслана опустился вниз — на ее намокший халат, сквозь который ее тело было видно до мельчайших подробностей. Зрачки мужчины расширились так, что почти поглотили радужку. По челюсти побежали желваки.

— Не спится, Диана? — его голос прозвучал низко, с хриплым животным рокотом. — Бродишь по ночам по моему дому? Ищешь выход наружу? Или искала меня?

У Дианы перехватило горло. Присутствие этого полуобнаженного титана на расстоянии одного выдоха лишало воли. Но унижение от собственной наготы хлестнуло по щекам почище пощечины.

— Я искала место... где нет вашего запаха! — сдавленно выдохнула она прямо в его губы. — Пустите меня! Немедленно!

Она уперлась ладонями в бортик и попыталась резко вскочить, чтобы броситься прочь.

Но Демидов был быстрее.

Его рука сорвалась с бортика и ушла под воду.

Секунда — и его железные пальцы сомкнулись вокруг ее тонкой мокрой щиколотки.

Хватка под водой показалась Диане прикосновением раскаленного металла. Руслан держал с такой силой, что вырваться было невозможно.

— Пусти! — вскрикнула Диана, дергая ногой.

Демидов лишь хищно усмехнулся и с легким усилием потянул ее ногу на себя.

Диана потеряла равновесие. Чтобы не соскользнуть с мокрого мрамора прямо в воду к нему, она инстинктивно выбросила руки вперед.

Ее ладони с размаху опустились на его мокрые, широкие, каменные плечи.

Ожог.

Чистый, первобытный ожог мужской плоти. Под ее пальцами перекачивались стальные жгуты мышц, влажная кожа была невыносимо горячей. Диана почувствовала, как между ними проскочила осязаемая молния — электрический треск влечения, от которого перехватило дыхание. Ее пальцы непроизвольно впились в его плечи, а он застыл, глядя на ее приоткрытые губы потемневшим взглядом.

— От меня не сбежать, девочка, — пророкотал Руслан, и его дыхание обожгло ее подбородок. — Ни в этой башне. Ни в этом городе. Ты моя свидетельница, Золотова. И пока я не решу твою судьбу — ты принадлежишь мне. Каждым вдохом. Каждым ударом сердца.

Его пальцы на ее щиколотке медленно, дразняще скользнули вверх по мокрой икре, оставляя за собой дорожку из мурашек.

Диана всхлипнула от переизбытка эмоций. Страх, ярость и сводящее с ума притяжение сплелись в один клубок.

— Я никогда... слышите, никогда не буду вашей! — прошептала она, и в ее глазах блеснули слезы гордости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.